

Вечерний клуб 1996. — 21 сент. — СД.

Актерские байки

Я работаю гримером, на лицах актеров. Процесс этот длительный и порой не очень приятный, но готовить-то к роли надо. Вот и стараюсь отвлечь. И порою сам собой завязывается разговор о том, о сем, о жизни.

На съемках фильма Петра Тодоровского "Своя земля" встретился мне артист, своими рассказами натолкнувший на мысль: вот бы все это записать!

Это был Павел Шальнов, теперь народный артист России, известный по ролям в спектаклях Театра имени Ермоловой, по фильмам, например, "Дом, в котором я живу", по выступлениям на эстраде с моноспектаклями.

Мы тогда подружились, я стал показывать ему свои "пробы пера" ("Записки художника-гримера" были потом изданы "Миром книги"), а он ответно решил взяться за "Зарисовки актерской жизни". Одну из этих зарисовок с разрешения автора предлагаю вниманию читателей "Вечернего клуба". Виктор МУХИН.

Павел ШАЛЬНОВ

Роль для живота

История эта начинается с детства, когда по причине дизентерии отец отвез меня в больницу, где было очень весело, несмотря на все прелести этого заболевания. Весело, потому что и в больничной палате мальчишки — народ озорной. Всякие были игры, было и соревнование — кто сможет больше надуть живот. Один мальчишка хвастал, что надувает свой живот больше всех. Ну я постарался и победил. А потом живот мой несколько раз выручал меня в актерском деле.

Уже в театральном училище, когда мы делали этюды на тему цирка, я показал номер "Роль живота в дыхании человека". Это была целая серия разных приемов, когда вся работа живота проецировалась на большой экран под барабанную дробь.

И в родном Театре имени М.Н. Ермоловой не раз живот приходил мне на помощь. А однажды благодаря животу я шикарно провел лето на Черном море, на берегу чудной бухты близ Севастополя.

Володя Андреев (ныне, конечно, Владимир Алексеевич, народный артист СССР, главный режиссер театра) тогда снимался в роли царя Салтана в фильме известного кинокаждочника А.Л. Птушко, талантливейшего и своеобразного человека, причем мастера на все руки. Представляете, он сам соорудил ту самую пушкинскую белку. Заведенная, она двигалась, грызла орехи и вообще была как живая.

И вот однажды Птушко на съемках говорит, что очень ему нужен артист, владеющий животом. Владимир Алексеевич вспомнил о моем животе, Птушко за это ухватился.

Раздался звонок с "Мосфильма". Вот я в кабинете

режиссера, сидит эта самая белочка, грызет орешки, обычная суматоха, а Птушко очень со мной неправдоподобно долго для киношных обычаев беседует, предлагает какие-то роли, третьего дьяка... Я чувствую, что-то мнется старик. А мне Андреев сказал, в чем дело, и я начинаю понимать, что, мол, стесняется заговорить. О животе-то. Вроде дело такое... "нетворческое". Ну действительно, как это — предложить артисту работать животом?

Наконец он деликатно так спрашивает: вот, мол, у вас, говорят, хорошо еще работает... э-э-э... диафрагма. Вы нас уж извините, может быть, вы покажете?

Ну я, конечно, расстегнул пиджак, рубашку и все, что мог, продемонстрировал.

Птушко был в восторге, как ребенок расхаживая по кабинету.

— Вас как зовут?

— Павел.

— Паша! Значит, так, ты у меня будешь играть не третьего дьяка, а второго дьяка, прекрасная роль! Первого дать не могу, его играет Мартинсон. На лето мы в Севастополе, у моря, а в театре у вас как раз отпуск...

А я стою еще с голым животом, думаю: "Еще, что ли, придется с ним "работать", в чем же все-таки дело-то?"

А Птушко уже над моим животом:

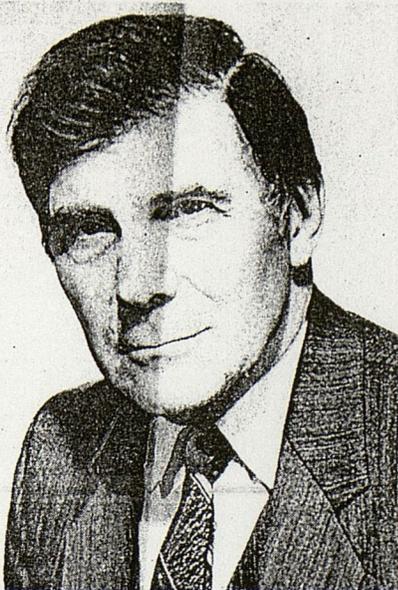
— Так, так, так... Твой живот, Паша, у меня будет Главным предводителем поганых нелюдей, а с ними сражается царь Салтан. Значит, будет так. Живот твой, Паша, загримируем. Я сам сделаю аппликации, они, понимаешь, должны жить! Сделаем из гуттаперчевой резины. Наклеим так... Это, понимаешь, будет как бы большая голова на ногах. Твоя голова, шея, все до плеч будет в волосах этого

нелюдя... Теперь тут, где титечки твои, Паша, будут его глазищи, да, да, оч-чень хорошо получится! Ну пупок — это, конечно, носище его... Ну а все там, что ниже у тебя, Паша, это все будет под его бородой. Большая такая борода, черт его подери! А внизу только ноги — соображаешь? Но живот должен быть живым, чтобы глаза жили, рот чтобы разговаривал. Понимаешь? Ты — талантливый человек, я вижу, что у нас получится! Иди, иди, заключай договор, и лето мы на Черном море, я очень, оч-чень рад!

Лето мы с женой действительно, несмотря на жару и нелегкие съемки, шикарно провели в хорошей квартире, купаясь в Черном море. Было очень интересно. Замечательные актеры. Птушко привез целый зоопарк. Лошади необыкновенной красоты, дрессированный орел. Он должен был все время летать в кадре. Был медведь, змеи, выдра, изображавшая воротник на шубе царя, вдруг оживавшая. На троне царя в виде подлокотников лежали две дрессированные собачки, загримированные и подстриженные под львят. И когда царь Салтан — Андреев гневался и стучал кулаками по трону, они по команде дрессировщика срывались и убежали. Это было очень смешно.

На склоне горы этой бухты собирался, казалось, весь Севастополь, особенно много было детишек. Все было очень красочно. Актеры в ярких одеждах, лошади в убранстве, древние корабли у берега. И над всем этим гремел в рупор голос Птушко.

— Мотор! Начали! Лошади поехали! Ну что ж они стоят, там-там-там (здесь более сильное выражение), куда орел-сволочь полетел?

Назад! Рупором его по башке, черт! А это что такое? Кто просил? Откуда этот пароход в море? Ну и что, что крейсер? Убрать его к чертовой матери! Сто-о-оп!

Но все получалось все-таки каким-то волшебным киношным образом. Я сыграл и дьяка, и, перевоплощаясь, еще какие-то рольки.

Приближался день расплаты. Многие ждали, как проявит себя мой живот и подвластное ему войско, подбранное из жителей местных жителей.

Естественно, сам процесс грима животов вызвал живой интерес, а когда начались репетиции и съемки этого сражения, восторг зрителей на горе был неопишным. Снимали крупным планом и мой живот — он сверкал глазами, кричал, звал в бой, потом, сраженный Салтаном, погибал, как и положено было врагам в то время.

Правда, при монтаже многое было из всей этой "животной истории" вырезано "по идейным соображениям" — слишком был принижен образ врага, чересчур. Это, конечно, мой живот обидело. Как же так, столько было отдано творческих сил!

Но главная расплата за всю роскошь жизни на берегу Черного моря наступила, когда надо было снимать с себя все эти волосы, глаза, нос, рот, ибо приклеено все было надежно, насмерть — гримеры постарались. А если учесть, что у мужчин на теле имеют обыкновение расти волосы, то можете себе представить...

Только спиртом можно было снять этот лак под названием "сандарочный".

Но поскольку Птушко был съемкой очень доволен, то спирт не сэкономили. И главный тост был за мой живот.